

более чем на полторы тысячи квадратных метров сооружения для специальных инженерно-технических служб КГБ и подразделений комендатуры Кремля. И сейчас, как и 200 лет назад, Московский Кремль вовсе не «музей», так как четыре пятых исторических памятников закрыты для общего осмотра и посещения. Что будет дальше?

Ответ на этот вопрос не безразличен никому, и тем более историкам науки и техники. Нет нужды напоминать, что и сам Кремль, и находящееся в нем в значительной степени есть бесценный памятник истории научно-технической мысли, истории культуры нашего народа. Публикуя небольшое исследование Е. Ф. Тепловой и интересный документ, ею найденный и подготовленный к печати, редакция ВИЕТ хотела прежде всего привлечь внимание к практически неизвестной и незавершенной истории превращения Большого Кремлевского дворца в общенародный музей. Публикуемый материал интересен и тем, что выводит из исторического небытия имена людей реально и, очевидно, положительно влиявших на судьбы культурного строительства в первые годы Советской власти. Вообще истории музейного строительства и музеологической мысли, в первую очередь научно-технической, редакция ВИЕТ предполагает уделять впредь значительно больше внимания, чем до сих пор.

Внимательный читатель в работе Е. Ф. Тепловой может обратить внимание на одну небольшую деталь, еще раз наглядно демонстрирующую фальсифицированный характер многих, в том числе фундаментальных, наших изданий.

Затрачены огромные усилия по изданию документов, подготовке биографических и библиографических, должностящих служить вечно работ, которые в большинстве своем безнадежно обесценены пропусками, лакунами, цензурными и просто трусливыми, в порядке самоцензуры, изъятиями. Ущерб, в том числе и чисто экономический, от этой деятельности вряд ли восполним в ближайшие десятилетия. Работа специалиста — источниковеда, археографа, библиографа и историографа — сейчас актуальна как никогда, ибо история, наконец, может быть объективной, беспристрастной, такой, какой она была и какой видится историку — служителю только одного культа — культа истины.

Публикуемый текст может вызвать и другие мысли и ассоциации. Подлинный исторический источник тем и прекрасен, что только с его помощью может быть воплощен принцип: *Super omnia veritas* — превыше всего истина.

Е. Ф. ТЕПЛОВА

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДОКУМЕНТ ИЗ ИСТОРИИ МУЗЕЕВ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

После переезда Советского правительства в Москву (11 марта 1918 г.) и размещения его в Кремле часть помещений Большого Кремлевского дворца начала заселяться сопровождавшими правительство службами, а также семьями их сотрудников, красноармейцами и т. д. Это заселение, проводившееся по прямому распоряжению председателя ВЦИК Я. М. Свердлова, угрожало сохранности находившихся во дворце культурных и художественных сокровищ. Помимо произведений живописи и скульптуры, предметов быта и пр., составлявших убранство дворца, здесь находились экспонаты Эрмитажа и ценности царской семьи, перевезенные в Москву осенью 1917 г. по распоряжению Временного правительства.

К 16 ноября 1918 г. была заселена часть дворца, так называемые «апартаменты», готовилась под квартиры и «собственная половина». Причем все это происходило довольно стихийно. Не был произведен учет ценнейших предметов обстановки дворца и коллекций Эрмитажа, которые просто сложили в подезде дворца, чтобы освободить помещение для жилья, что создавало реальную угрозу сохранности ценнейших экспонатов. Дворец и его сокровища необходимо было спасти. Практически одновременно это пытались сделать разные люди: заведующий движимым имуществом Кремля М. Александров (М. С. Ольминский) обратился в Комиссию при СНК [2, л. 35—36], члены комиссии по охране памятников искусства и старины Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов заявили, «что сам дворец есть готовый музей, представляющий огромную ценность не только в историко-художественном, но и материальном плане», и предло-

жили немедленно приступить к превращению Большого Кремлевского дворца в музей своими силами [2, л. 37—38].

Но наиболее действенного результата достигли сотрудники Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса, ходатайство которых непосредственно повлияло на судьбу как самого дворца, так и его художественных сокровищ. Заведующей отделом была Наталья Ивановна Троцкая (Седова), жена видного партийного и государственного лидера тех лет Л. Д. Троцкого. В то время она была одним из инициаторов и организаторов многих дел по созданию в Советской Республике новых музеев и спасению художественного достояния народа.

Публикуемый ниже документ за подписью Н. Троцкой — доклад [2, л. 40—42] Отдела по делам музеев Наркомпроса в Управление делами Совнаркома, повлиявший в конечном счете на судьбу Большого Кремлевского дворца и вызвавший к жизни декрет о превращении его в музей.

Н. Троцкая, понимая невосполнимость художественных ценностей в случае их утраты и желая как можно скорее и надежнее уберечь дворец, решила обратиться непосредственно к В. И. Ленину. Официальный доклад Отдела по делам музеев сопровождался следующей ее личной запиской, предопределявшей быстрое рассмотрение и разрешение вопроса:

«Дорогой Владимир Ильич, в виду спешности вопроса обращаюсь непосредственно к Вам. Не будете ли Вы столь добры и не потрудитесь ли посмотреть наше послание. Жму Вашу руку» [2, л. 39].

В. И. Ленин ознакомился с докладом музейного отдела в тот же день, о чем свидетельствует следующая резолюция: «Я за передачу этого дворца под музей. Запросить письменное согласие Свердлова.

26/XI.

Ленин» [2, л. 42]

Эта резолюция впервые опубликована в Полном собрании сочинений В. И. Ленина [3, с. 212]. В пояснительном примечании сказано, что текст поручения написан на «докладной записке Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Наркомпроса». Лицо, подписавшее доклад, не упоминается [3, с. 454].

По сути же дела этой резолюцией председатель СНК В. И. Ленин просил председателя ВЦИК Я. М. Свердлова пересмотреть свое сделанное ранее распоряжение о заселении Большого Кремлевского дворца.

3 декабря 1918 г. Советским правительством был принят следующий декрет, в котором, в частности, постановлялось: «Совет Народных Комиссаров в заседании от 3 декабря с. г., рассмотрев вопрос о превращении Большого Кремлевского дворца в музей, постановил: Превратить Большой Кремлевский дворец в музей...» [1, с. 568]. Специальной комиссии поручалась подготовка «детального плана» организации музея и предложения «о характере музея». 12 декабря по докладу комиссии СНК принял постановление, которым поручалось «немедленно принять меры для использования помещения Большого Кремлевского дворца для музея, в особенности для представления исторической картины царского быта» [4, л. 338]. Во исполнение принятых решений во дворце вскоре начинается музейная и экскурсионная работа. Для публики музей открылся 26 января 1919 г.

Однако в дальнейшем эта деятельность постепенно сводится на нет. Несмотря на декрет Совнаркома, Большой Кремлевский дворец так и не стал музеем в точном значении этого слова. В 1926 г., например, путеводители по московским музеям отмечали, что осмотр Большого Кремлевского дворца производится только по специальному разрешению [5, с. 461]. Такое положение во многом сохраняется и по сей день.

Уникальный памятник русской национальной архитектуры и русского искусства, включающий постройки, убранство и предметы быта XVI—XVII и XIX вв., является скорее хранилищем исторических ценностей, нежели общедоступным музеем. На протяжении многих десятилетий здесь находится резиденция Верховного Совета СССР и РСФСР, дворец используется для проведения съездов, сессий, приемов и других государственных мероприятий. В 1933—1934 гг. из бывших парадных залов Александровского и Андреевского по проекту архитектора И. А. Иванова-Щица создан Зал заседаний. Некоторые из исторических зданий были скрыты в период строительства современного Дворца съездов (1959—1961 гг.).

Публикуемый ниже документ, адресованный в Управление делами Совета Народных Комиссаров, представляет собой машинописный текст на бланке: «Российская Федеративная Советская

Республика. Народный Комиссариат по просвещению. Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины». Имеет дату: 26 ноября 1918 г., исходящий № 3455 и круглую печать: «Российская Федерат. Сов. Респ. Народн. Комис. по просвещ. Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины».

На документе имеется также штампель: «Управление делами Крестьянск. и Рабоч. Правительства Республики России» с датой: 26 ноября 1918 г. и входящим № 14530.

Публикуется по машинописной копии, хранящейся в ЦГАОР СССР. Подлинник был передан в Институт В. И. Ленина и хранится в фондах ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС.

Список литературы

1. Декреты Советской власти. Т. IV. М., 1968.
2. ЦГАОР СССР. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 1041.
3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 50.
4. ЦГАОР СССР. Ф. 130. Оп. 2. Ед. хр. 2.
5. Музеи и достопримечательности Москвы. М., 1926.

«Доклад

В связи с проведением в жизнь плана музейного строительства в государственном масштабе Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата по просвещению¹ как единственное учреждение в Республике, компетентное в вопросах искусства и старины, приступил к организации целого ряда новых музеев, как, например, Национального Музея Русского Искусства, Музея Народного Искусства и Быта, Музея Восточного Искусства² и проч.

Большим затруднением при выполнении этой огромной работы общегосударственного значения в гор. Москве является отсутствие помещений, которые не только удовлетворяли бы требованиям музейного дела, но одновременно способны были бы открыть широкий доступ народным массам к собранным в музеях художественным сокровищам.

Проведение в жизнь вышеуказанного плана музейного строительства в Республике было поручено Отделом по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата по просвещению членам Коллегии Н. И. Муратову³ и Н. М. Щекотову⁴, которые, осмотрев ряд зданий в различных местах города Москвы, нашли, что осмотренные здания по тем или другим условиям не удовлетворяют музейным требованиям.

Указания этих лиц имеют тем большее значение, что оба они, с одной стороны, являются специалистами в области музейного дела, с другой — являются научными работниками в истории как русского, так и западного искусства.

Недостаток помещений в гор. Москве, затруднивший работу по созданию государственных музеев, побудил вышеуказанных членов коллегии обратить внимание на Кремлевский дворец⁵.

26 ноября с. г. Комиссия⁶ в лице заведующего Отдела и членов Коллегии Н. И. Муратова и Н. М. Щекотова произвела тщательный осмотр Большого Кремлевского дворца с целью выяснения его пригодности для удовлетворения вышеуказанной музейной потребности. После осмотра Комиссия пришла к следующему заключению: в целях совершеннейшей организации новых государственных музеев в Советской Республике, собрания в них всего ценного, во многих случаях единственного, достояния народного, а главное, в целях доступа к этим ценностям широких народных масс совершенно необходимо использовать для устройства музеев целый ряд зал 2-го этажа Большого Кремлевского дворца (Георгиевский — Андреевский зал) и все прилегающие к нему коридоры, а также Зимний сад. В целях срочного открытия ряда зал после наполнения их художественными произведениями для обозрения публики необходимо занять и ряд комнат 1 этажа, так называемые „собственные покои“.

При использовании указанных помещений для дела государственных музеев в Республике Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного Комиссариата по просвещению полагает, что на долгое время удовлетворена была бы самая насущная из потребностей реформируемого музейного дела и было бы устранено препятствие, во многих случаях способное даже задержать работу Отдела, направленную к тому, чтобы все драгоценные худо-

жественные произведения, собранные со всей Республики, могли быть открыты всему народу.

Ввиду указанных здесь соображений, Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины при Народном Комиссариате по просвещению считает своей прямой обязанностью обратиться к Управлению делами Совета Народных Комиссаров о предоставлении в распоряжение Отдела для нужд государственных музеев вышеуказанных помещений Кремлевского дворца.

Отдел надеется, что Управление делами Совета Народных Комиссаров пойдет навстречу его просьбе и тем поможет Отделу в его работе на общенародное дело.

Заведующий Отделом *Н. Троцкая*.

Секретарь *Детин*⁷.

Москва, Ноябрь 26-го дня 1918 г.»

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Названный отдел был создан как подразделение Наркомпроса 26 мая 1918 г. в Москве. Основное содержание задач, поставленных перед отделом, определялось уже самим его значением, или, как уточнил один из его создателей художник и искусствовед академик И. Э. Грабарь: «Изыскание способов и путей, благоприятствующих процветанию русских музеев, забота о принятии мер и охране произведений искусства и старины» (*Грабарь И. Э. О древнерусском искусстве*. М., 1966. С. 263). В состав отдела входили видные представители интеллигенции, художники, искусствоведы, сотрудники музеев, профессора и преподаватели высших учебных заведений Москвы.

² Национальный музей русского искусства предполагалось создать в здании Большого Кремлевского дворца, рядом с уже имеющейся экспозицией. Здесь должна была быть представлена эволюционно и разнообразно вся история русского искусства. Согласно проекту, залы дворца могли быть использованы следующим образом: Апартаментский зал — для выставки картин; Георгиевский — для гигантской модели Кремлевского дворца; другие залы — для реставрационных мастерских и иных служб музея (ЦГА РСФСР. Ф. 2306. Оп. 28. Ед. хр. 12. Л. 17). В отделе по делам музеев и охране памятников искусства и старины была создана специальная комиссия по организации такого музея и начат сбор экспонатов. Музей народного искусства и быта предполагалось открыть в Москве. В отделе по делам музеев Наркомпроса была создана комиссия, приступившая к обсуждению проекта будущего музея, в котором широко должны были быть представлены предметы народного творчества, промыслов, быта, но проект не был реализован. Музей восточного искусства, ныне Государственный музей искусства народов Востока, основан в 1918 г. как собрание предметов искусства народов Азии. В 1925 г. преобразован в Музей восточных культур, представлявший предметы изобразительного искусства народов Ближнего и Дальнего Востока. Таким образом, из трех упомянутых проектов был реализован лишь один.

³ В тексте документа допущена ошибка в написании инициалов. Правильно: П. П. Муратов. Муратов Павел Павлович — член коллегии Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины, заведующий подотделом центральных музеев.

⁴ Щекотов Николай Михайлович — председатель издательской комиссии Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины. Окончил Политехническую академию во Фридрихсберге и Инженерное училище в Мангейме. Затем обучался древнерусскому искусству под руководством И. С. Остроухова и живописи у К. Ф. Юона. Специалист по русской живописи. С 1913 г. помощник хранителя Третьяковской галереи (И. Э. Грабаря).

⁵ Имеется в виду Большой Кремлевский дворец, построенный под руководством архитектора К. А. Тона; заложен 30 июня 1838 г., торжественно открыт 3 апреля 1849 г. Уникальность этого сооружения определяется, в частности, тем, что оно органически соединило в себе постройки XIX в. с ценнейшими дворцовыми зданиями XVI—XVII вв. До революции — официальная Московская резиденция российских императоров.

⁶ Создана 25 ноября 1918 г., носила название: Комиссия по открытию Кремлевских дворцов для всеобщего обозрения (ЦГА РСФСР. Ф. 2306. Оп. 28. Ед. хр. 9. Л. 105).

⁷ Детин Сергей Агапьевич — выпускник Училища живописи, графики и ваяния, ученик В. А. Серова. Окончил Московский археологический институт. На работу в музейный отряд управляющим делами был приглашен по инициативе И. Э. Грабаря.

* * *

Послесловие. Случай, описанный в публикации Е. Ф. Тепловой, имел многообразные последствия. Один эпизод политико-бытового характера нашел, например, отражение в работах Л. Д. Троцкого. Спустя два десятилетия он, опираясь на рассказы Н. И. Седовой, писал: «Моя жена, в течение 20 лет заведовавшая музеями и историческими памятниками страны, вспоми-

нает два эпизода, в которых Енукидзе и Сталин выступают своими очень характерными чертами. В Кремле, как и во всей Москве, шла непрерывная борьба из-за квартир. Сталин хотел переменить свою слишком шумную на более спокойную. Агент ЧК Беленький порекомендовал ему парадные комнаты кремлевского Дворца. Жена моя воспротивилась: Дворец охранялся на правах музея. Ленин написал жене большое увещательное письмо: можно из нескольких комнат Дворца унести „музейную“ мебель, можно принять особые меры к охране помещения; Сталину необходима квартира, в которой можно спокойно спать; в нынешней его квартире следует поселить молодых, которые способны спать и под пушечные выстрелы. Но хранительница музеев не сдалась на эти доводы. На ее сторону встал Енукидзе. Ленин назначил комиссию для проверки. Комиссия признала, что Дворец не годится для жилья. В конце концов Сталину уступил свою квартиру покладистый и сговорчивый Серебряков, тот самый, которого Сталин расстрелял 17 лет спустя».

Цитируемый текст — фрагмент воспоминания-эссе Л. Д. Троцкого об Авеле Енукидзе (секретаре Президиуме ЦИК), расстрелянном в 1937 г. Полный текст опубликован в журнале «Аврора» (1990, № 5). Несколько иной по стилистике вариант включен Л. Д. Троцким в очерк «Иосиф Сталин. Опыт характеристики» (см.: *Троцкий Л. Д.* К истории русской революции. М., 1990. С. 404—405).

Н. В. ТИМОФЕЕВ-РЕСОВСКИЙ НА СЕМИНАРЕ У П. Л. КАПИЦЫ

П. Л. Капица: Товарищи, материал, который мы прослушали,— это результат колоссальной работы, продолжавшейся 15—20 лет. Создается исключительно красивая картина для физиков, потому что здесь, по-моему, больше физики, чем биологии, так как мутация есть прекрасный индикатор физического процесса. Мы видим, что самые простые физические процессы происходят здесь так же, как они происходят в ионизационной камере в наших лабораториях. Нет никакой разницы. Это, конечно, чрезвычайно интересно. Это показывает, что такие физические законы еще очень много могут сделать в биологии. Для нас, физиков, это очень обнадеживающая вещь: значит, мы и в дальнейшем можем оказать биологам большую помощь.

Я думаю, мы будем задавать вопросы после того, как прослушаем и второй доклад.

Голоса с мест: Вопросы сейчас.

П. Л. Капица: Я думаю, что в сумме лучше. Второй доклад является естественным продолжением первого — чем же является эта предполагаемая элементарная молекула, на которую действуют излучения. Первый докладчик сказал, что в основе мутации лежит элементарный процесс, а второй докладчик расскажет, какие имеются гипотетические предположения о строении элементарной молекулы. Послушаем второй доклад и потом будем вопросы задавать. Конечно, ответить на все вопросы не удастся — чрезвычайно много вопросов было затронуто.

И. Е. Тамм: Мне кажется, сейчас чрезвычайно интересный момент в развитии биохимии и биологии. Биология, генетика открыли целый ряд существенных общих закономерностей. Установлено, что основная во всяком случае часть явлений наследственности связана с хромосомой. Надо сказать, что некоторые работы генетиков очень околные. По очень сложным картинам наследования сложных признаков приходится заключать об элементарных актах, об элементарной структуре, скажем, хромосом, гена и т. д.

Весьма интересен вопрос относительно того, каков биохимический механизм, связанный с наследованием и с мутациями в хромосоме. Естественно, что здесь всегда искали биохимическую основу наследования, но до последнего времени положение здесь, мне кажется, было неблагоприятным, потому что представления относительно молекулярного физико-химического строения хромосом еще лет 10 или 8 тому назад были такие, что было очень трудно найти основу такого строгого наследования признаков, консервирования наследственной информации и пр. Тогда считали, что основой всех хромосом является одна из нуклеиновых кислот — дезоксирибонуклеиновая кислота, что основа хромосом всех видов почти одинакова: они состоят из очень небольших молекулярных обломков, нуклеотидов, молекулярного веса порядка 1200. Они статистически распределены. Связаны они протеннами, причем это такая рыхлая, неопределенная и довольно однотипная структура, в которой нельзя было найти отражения этих строгих закономерностей наследования. За последнее время положение, как мне кажется, резко изменилось, особенно резко с 1953 г.

Мне представляется, что можно выделить в основном четыре положения.

Сейчас установлено самыми разнообразными физико-химическими способами, в частности непосредственным рентгеноструктурным анализом, что основная кислота, я буду называть ее ДНК,